

Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.

Думскіе дебаты по холмскому вопросу близятся къ концу, принимая все болѣе страстный, почти ожесточенный характеръ. Маленькій, какъ его хотѣли представить вначалѣ одинаково и противники, и сторонники, вопросъ объ административномъ размежеваніи двухъ губерній привлекъ къ себѣ исключительное вниманіе законодательныхъ палатъ и общества, чуть не вызвалъ дипломатическія осложненія и, какъ можно думать по послѣднимъ его думскимъ перипетіямъ, обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ немало всякихъ неожиданностей.

Очевидно, дѣло въ данномъ случаѣ не такъ ужъ просто. Въ холмскомъ вопросѣ, видимо, затронуты какіе-то существенные интересы, если такое или иное отношеніе къ нимъ вызываетъ столь сильный откликъ въ заинтересованныхъ сторонахъ. Оказывается даже, что заинтересованныхъ сторонъ объявилось что-то слишкомъ много, и каждая изъ нихъ съ большимъ или меньшимъ пыломъ отстаиваетъ свою точку зрѣнія. Какъ выразился одинъ изъ польскихъ депутатовъ, холмскій вопросъ — это экзамень по жгучему политическому вопросу.

Но, какъ это ни странно, въ думскихъ дебатахъ не слышно лишь голоса того, о комъ собственно идетъ рѣчь, — голоса украинскаго населенія Холмщины, которое такъ стремится спасти и благодѣтельствовать каждый на свой образецъ. Дѣло рѣшается безъ хозяина, и интересы послѣдняго представляются — съ двухъ противоположныхъ сторонъ — поляками, при содѣйствіи русскихъ прогрессивныхъ круговъ, и блокомъ истинно-русскихъ съ націоналистами. Первыхъ поддерживаетъ вся лѣвая сторона Думы, до „лѣвыхъ“ октябристовъ включительно, вторыхъ — все, что правѣ этой довольно неопредѣленной черты. Всѣ говорятъ и дѣйствуютъ въ интересахъ холмскаго населенія и приходятъ къ взаимно исключаящимъ другъ друга выводамъ.

При такихъ условіяхъ далеко не лишне было бы услышать, какъ понимаетъ свои интересы самъ украинскій холмщакъ, тѣмъ болѣе, что, какъ есть полное основаніе думать, онъ остался бы при особомъ мнѣніи, не совпадающемъ ни съ однимъ изъ рѣшеній его опекуновъ и защитниковъ. Но бесполезно жалѣть о томъ, что невозможно. Выборный законъ 3-го іюня создалъ на всей Украинѣ столь привилегированное для крупновладѣльческаго класса положеніе, что для представительства демократическихъ слоевъ здѣсь не осталось мѣста. Поэтому въ третьей Думѣ сплошь и рядомъ не приходится слышать украинскаго голоса не только по холмскому, но и по другимъ, даже болѣе жизненнымъ, вопросамъ.

Насколько такое положеніе въ дѣйствительности трагично, видно уже изъ того, что во всей Думѣ нашлось лишь нѣсколько депутатовъ (Лучицкій, Покровскій, Чхеидзе, Петровъ, Никольскій), которые вскользь коснулись въ своихъ рѣчахъ интересовъ холмскаго украинскаго населенія; подробно же и обстоятельно выяснилъ украинскую точку зрѣнія лишь одинъ депутатъ, Булатъ, представитель той національности, которая не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ украинская, является объектомъ разностороннихъ денационализаторскихъ покушеній и на собственномъ опытѣ испытываетъ всю тяжесть такого положенія. „Спорящія стороны, — сказалъ Булатъ, — еще не заикались открыто о томъ, какъ нужно бы удовлетворить справедливыя нужды Холмскаго края, который нынѣ выдѣляется. А весь споръ ведется не о томъ, что нужно этой народности, а о томъ, кому заботиться объ ассимиляціи этой народности для себя: русскому ли правительству... заботиться о руссификаціи украинской народности, или польскимъ помѣщикамъ и польскимъ ксендзамъ заботиться, сколько они могутъ, о полонизаціи этой народности“.

И въ самомъ дѣлѣ, во всей продолжительной и разнообразной шумихѣ, поднятой вопросомъ о выдѣленіи Холмщины, никому не пришло на умъ серьезно освѣдомиться о дѣйствительныхъ желаніяхъ того населенія, которое каждая сторона старается осчастливить по своему крайнему разумѣнію; если же нѣкоторые думскіе дѣятели и предпринимали съ этой цѣлью экскурсіи въ Холмщину, то экскурсіи эти происходили при столь ненормальныхъ условіяхъ и при столь очевидно инсценированной заранѣ обстановкѣ, что

объ ознакомленіи съ дѣйствительными желаніями холмскаго населенія не могло быть при этомъ и рѣчи. Обстоятельство это, при извѣстной неосвѣдомленности русскаго общества въ области національныхъ отношеній живущихъ въ Россіи народностей и, въ частности, отношеній украинско-польскихъ, является главною причиною самыхъ странныхъ представленій въ холмскомъ вопросѣ и отсюда—причиною поддержки совершенно неосновательныхъ притязаній съ очевиднымъ игнорированіемъ справедливѣйшихъ правъ и интересовъ.

Сущность раздутаго и искусственно осложненнаго холмскаго вопроса въ дѣйствительности очень простая. По вѣнскому конгрессу, произведшему третій раздѣлъ Польши, границы Царства Польскаго очерчены вопреки всякимъ традиціямъ старой, исторической Польши, причемъ въ составъ административной единицы Царства Польскаго вошли области, населенныя вовсе не польскимъ племенемъ. Такъ, сюда вошла часть Подляшья, колонизованная мазурской шляхтой, но въ народныхъ массахъ украинская, прилипла часть литовской Жмуди, провинціи великаго княжества Литовскаго, и, наконецъ, сюда по случайному недоразумѣнію отошла и Холмская Русь, во времена исторической Польши бывшая одною изъ пяти земель, изъ которыхъ слагалось „Русское воеводство“, и населенная украинскимъ племенемъ. Такимъ образомъ, ни историческая Польша, если о ней въ данномъ случаѣ вообще можетъ быть рѣчь, ни Польша этнографическая, нисколько не затрагиваются предпологаемымъ выдѣленіемъ Холмщины изъ состава Царства Польскаго и объ отторженіи отъ Польши части ея національнаго тѣла не можетъ быть рѣчи. Этнографическая Польша и Царство Польское—это двѣ величины, далеко не совпадающія, и если изъ Царства Польскаго выдѣлится то, что не составляетъ съ нимъ органическаго цѣлаго и лишь механически къ нему прилипло, то это, съ объективной точки зрѣнія, явилось бы лишь болѣе правильнымъ размежеваніемъ отдѣльныхъ народностей по этнографическому ихъ составу и даже по историческимъ основаніямъ. Не естественно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы части этнографически чужой Царству Польскому территоріи присоединились къ основному базису своего этнографическаго тѣла—украинскаго, бѣлорусскаго, литовскаго—и дѣлили съ нимъ одну общую судьбу?

Будучи отдѣлены отъ своей основы, живя обособленной отъ нея жизнью, эти этнографическіе куски разныхъ народностей, какъ это оказалось на дѣлѣ, подчиняются чужимъ вліяніямъ и теряютъ свою національность. Не буду распространяться здѣсь о томъ, какими средствами и способами еще съ очень давняго времени осуществлялись полонизаторскія стремленія претворить этнографически чужіе элементы въ польскій національный организмъ. Это старая, хорошо всѣмъ извѣстная исторія, на страницахъ которой достаточно записано постыдныхъ и кровавыхъ событій. Но исторія не всегда и не всѣхъ учитъ; и въ новыхъ условіяхъ своей политической жизни въ Австріи и Россіи поляки продолжаютъ ту же политику національной ассимиляціи въ Россіи,—даже все тѣмъ же старымъ, испытаннымъ способомъ, чрезъ посредство польско-католическаго духовенства. На помощь полякамъ въ этомъ случаѣ пришло русское правительство, грубо-насильственными мѣрами оправославливанія и руссификаціи уніатскаго украинскаго населенія Холмщины загнавшее это послѣднее въ болѣе мягкія и осторожныя, но тѣмъ болѣе цѣпкія польскія объятія. Украинское населеніе Холмщины, явившись объектомъ самой рѣшительной полонизаціи, облегченной при административномъ единствѣ края съ Польшей, въ значительной степени не устояло, и въ результатъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ прищиплены къ польскому національному организму сотни тысячъ обойденнаго темнаго люда, вовсе не принадлежащаго къ польской національности. И теперь притязанія поляковъ направлены не только на полонизованный элементъ, но и на остальную часть украинскаго населенія Холмщины, еще сохраняющаго свою національную самобытность, причемъ всякая попытка оградить украинскихъ холмщанъ отъ полонизаціи вызываетъ горькую обиду и благородное негодованіе поляковъ. Недавно еще такой духовный вождь и идеологъ современнаго полонизма, какъ А. Свѣнтоховскій, заявилъ, что „проектируемое отдѣленіе куска нашей земли, населенной главнымъ образомъ, а въ культурномъ отношеніи исключительно польскимъ элементомъ, является „четвертымъ раздѣломъ“. Всѣ круги польскаго общества стоятъ на такой же точкѣ зрѣнія: Холмщина не можетъ быть отдѣлена отъ Царства Польскаго потому именно, что это исторически и этнографически польская земля.

Въ манифестѣ польской группы австрійскаго парламента говорится, что населенію Холмщины грозитъ опасность „быть отрѣзаннымъ отъ своего материнскаго корня, чтобы такимъ путемъ легче было стереть его польскій характеръ“. Это же самое не разъ заявляли поляки съ думской трибуны при обсужденіи холмскаго законопроекта. Такъ, депутатъ Наконечный назвалъ законопроектъ о выдѣленіи Холмщины „проектомъ оторванія новаго куска тѣла изъ живого организма нашего народа“. Для обоснованія столь категорическихъ утвержденій создаются даже особыя теоріи— „смѣшанной національности“ въ Холмщинѣ и „простого языка“ здѣсь. Членъ польскаго коло Дымша заявилъ въ Думѣ, что „встрѣча народностей привела къ созданію того смѣшаннаго племени, которое тамъ образовалось“. По словамъ особаго мнѣнія польскихъ членовъ разсматривавшей законопроектъ думской комиссіи (мнѣніе это, кромѣ польскихъ депутатовъ, подписано А. Никольскимъ, Н. Румянцевымъ, Л. Масленниковымъ, Ф. Родичевымъ), населеніе Холмщины является „переходнымъ племенемъ между этнографическими границами того и другого народа“, языкъ холмскаго населенія „представляется не малорусскимъ и не польскимъ, а являетъ собою примѣръ того длительнаго процесса его образованія, въ теченіе котораго онъ воспринялъ вліяніе окружавшихъ его лингвистическихъ началъ“; и вотъ оказывается, что холмщане „говорятъ не на южно-русскомъ и не на польскомъ, а на особомъ нарѣчій— на своемъ простомъ языкѣ (по-простому)“. Эта удивительная аргументація, создавшая неслыханную въ филологической наукѣ теорію „простого языка“, понадобилась только для того, чтобы оправдать польскія ассимиляторскія притязанія на холмское населеніе: разъ послѣднее является „переходнымъ племенемъ“, то надлежитъ ему перейти въ польскую національность. Остроумная теорія эта благосклонно принята и представителями русскихъ прогрессивныхъ партій въ Думѣ и въ принципѣ одобрена министромъ внутреннихъ дѣлъ, который не менѣе остроумно приспособилъ ее для своихъ цѣлей: „противники наши,—заявилъ онъ въ Думѣ,—говорятъ, что это смѣшанный польско-русскій говоръ, не находя для него другого названія, какъ „простой языкъ“. Тогда оно вполне понятно,—простой языкъ, языкъ не панскій, значитъ языкъ русскій, а не польскій“.

Такъ жонглируя аргументами, ожесточенно борются въ Думѣ представители двухъ агрессивно-націонализаторскихъ теченій—истинно-русского и истинно-польского.

Весьма характерно при этомъ, что, не обладая правами политическаго господства въ краѣ, поляки такъ глубоко прониклись психологіей этого господства, что аргументы въ подкрѣпленіе своихъ правъ черпаютъ совершенно изъ того же историческаго арсенала, что и истинно-русскіе націоналисты; почти въ каждой рѣчи польскаго депутата, въ каждой газетной статьѣ непременно найдется аргументація принципами государственнаго права, постановленіями вѣнскаго конгресса 1815 г., исторической давности и т. д. Для вящаго сходства своего съ истинно-русскими націоналистами націоналисты истинно-польскіе широко использовали киваніе въ сторону „мазепинской интриги“. Польскія газеты (напр., „Kurjer Warszawski“) переполнены сообщеніями, что украинцы, отстаивая свои національныя права, дѣйствуютъ подъ нѣмецкимъ вліяніемъ.

При всей противоположности конечныхъ своихъ цѣлей въ холмскомъ вопросѣ обѣ борющіяся стороны—истинно-польскіе и истинно-русскіе націоналисты—стоятъ на совершенно одинаковой почвѣ агрессивнаго человѣконенавистическаго націонализма и вмѣсто справедливаго удовлетворенія національныхъ потребностей опекаемаго ими населенія одинаково преслѣдуютъ цѣли національнаго его угнетенія. Если для однихъ холмское населеніе—обломокъ польскаго народа, то для другихъ оно—населеніе истинно-русское, и потому всѣми силами нужно направить всю жизнь его по истинно-русскому пути. Для думскихъ сторонниковъ законопроекта это не простое недоразумѣніе, а вполне обдуманная и сознательная линія поведенія. Относительно дѣйствительнаго національнаго состава Холмщины они на самомъ дѣлѣ вовсе не заблуждаются. Думская комиссія, говоря объ этнографическомъ составѣ холмскаго населенія, признаетъ, что „населеніе восточныхъ уѣздовъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній принадлежитъ къ малорусскому племени“. И министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ въ Думѣ, что „ученые спеціалисты признаютъ его (языкъ холмскаго населенія) языкомъ малорусскимъ, какъ, напр., знаменитый Шафарикъ; малорусскимъ же считаетъ этотъ языкъ экспедиція Императорскаго русскаго географическаго общества“. Послѣ такихъ опредѣленныхъ утвержде-

ній слѣдовало ожидать, что разъ законопроектъ имѣеть въ виду огражденіе малорусскаго населенія Холмщины отъ полонизма, то уже простой государственный смыслъ не позволить на мѣсто одного денационализаторскаго принципа ставить другой, равноцѣнный ему. Между тѣмъ законопроектъ и въ правительственной его редакціи, и въ томъ видѣ, какъ онъ проходитъ въ Думѣ, въ основу выдѣленія Холмщины ставить не менѣе ложный и опасный принципъ руссификаціи. Да, именно ложный и опасный, потому что активное и стойкое сопротивление полонизаторскимъ поползновеніямъ могло бы оказать только населеніе не съ задушеннымъ, а съ живымъ и развитымъ природнымъ національнымъ чувствомъ; послѣднее и являлось бы непобѣдимую силою въ борьбѣ съ полонизаціей,—силою, исключаящею потребность въ искусственныхъ репрессивныхъ подпоркахъ, какими такъ богатъ холмскій законопроектъ. Грубая же руссификаторская переработка искусно полонизируемаго украинскаго холмщика неминуемо приведетъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Не трудно видѣть, что значительная часть такъ опекаемаго холмскаго населенія въ концѣ-концовъ уйдетъ туда, гдѣ оно встрѣтитъ вмѣсто насилія надъ его національнымъ чувствомъ болѣе отзывчивое и теплое отношеніе. Что это прогнозъ не только теоретическій, можно убѣдиться на примѣрѣ съ „упорствующими“ уніатами: ихъ также насильно гнали въ православную церковь, а они очутились въ польскомъ костелѣ и ужъ, конечно, навсегда потеряны и для малорусской, и для великорусской національностей. Но даже при видимомъ успѣхѣ руссификаторской денационализаціи плоды ея едва ли будутъ особенно цѣнными. Получится то лишенное внутренней жизни и силы населеніе съ изломаннымъ и выдохшимся національнымъ чувствомъ, образцомъ котораго и теперь является, по терминологіи ораторовъ изъ польскаго коло, „переходная національность“ въ Холмщинѣ. Было бы очевидно близорукостью базировать на такомъ сомнительномъ ферментѣ какія-либо прочныя и широкія культурныя и тѣмъ болѣе государственный задачи. Денационализованному и искусственно притянутаго къ господствующей національности населенію всегда чуждо будетъ глубокое національное чувство, искреннее патріотическое воодушевленіе, сознание истинной государственности.

Думскіе сторонники законопроекта прямолинейно идутъ по пути руссификаторства проектируемой губерніи, унащавшая законопроектъ драконовскими правилами, устанавливающими исключительность русскаго языка въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ новой губерніи. Націоналистическіе законодатели при этомъ полагають, что указанныхъ правилъ еще мало; въ формулѣ перехода, предлагаемой Думѣ комиссіей законодательныхъ предположеній, прямо указывается, что „образование Холмской губерніи должно быть разсматриваемо лишь какъ первый шагъ въ ряду цѣлой системы мѣропріятій культурнаго и экономическаго характера, въ основу коихъ должно быть положено сознание принадлежности большинства населенія Холмскаго края къ русской народности“. Въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, и едва ли можно заблуждаться по части того, что по отношенію къ украинскому элементу приняты будутъ „соотвѣтствующія мѣры“. Мѣры эти усиленно принимаются даже теперь, когда неизвѣстенъ еще окончательный результатъ обсужденія холмскаго законопроекта въ законодательныхъ палатахъ и когда, казалось бы, неопредѣленность положенія обязываетъ къ извѣстному такту или хотя бы къ простой осторожности; между тѣмъ и до ожидаемаго учрежденія истинно-русской губерніи въ предѣлахъ ея недавно закрыто скромное просвѣтительное учрежденіе—библіотека имени Т. Г. Шевченка въ с. Кобылянахъ; библіотека закрыта духовнымъ начальствомъ и именно за наличность въ ней украинскихъ (конечно, вполнѣ легальныхъ) книгъ, закрыта съ благословенія епископа Евлогія, признавшаго при этомъ, что она „очень хорошее по существу дѣло“. Были случаи перевода и увольненія со службы лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи украинству, были обыски и аресты учителей, организовавшихъ продажу населенію книгъ на родномъ его языкѣ и т. д. Подобныя мѣры, пока единичныя, конечно, получаютъ большую планомѣрность, когда старанія истинно-русскихъ сторонниковъ законопроекта увѣнчаются успѣхомъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, холмскій законопроектъ представляетъ съ украинской точки зрѣнія мало соблазнительнаго. Въ національномъ отношеніи полонизацію украинскаго населенія онъ замѣняетъ руссификаціей; въ соціально-экономическомъ отношеніи онъ все оставляетъ по-старому: съ перемѣной „пана“ на „барина“ трудящіяся массы

едва ли почувствуютъ какое-нибудь облегченіе. Такъ, участіе реакціонныхъ силъ въ выдѣленіи Холмщины самымъ неблагоприятнымъ образомъ отразится и на національныхъ, на общегражданскихъ интересахъ холмскаго населенія, для котораго то же выдѣленіе, но на иныхъ основахъ, имѣло бы другое значеніе.

Истинно-русская печать на холмскомъ законопроектѣ имѣетъ между прочимъ и ту вредную сторону, что благодаря ей создалась невозможная путаница въ представленіяхъ прогрессивныхъ круговъ русскаго общества по отношенію къ холмскому вопросу. Получилось такое положеніе, что разъ дѣло ведется черными руками, то дѣло это само по себѣ нечисто. Черный цвѣтъ законопроекта закрылъ самую сущность дѣла и притомъ настолько, что русская демократія и не дала себѣ труда сколько-нибудь разобраться въ этой сущности. Большую роль въ этомъ случаѣ сыграло также то обстоятельство, что со стороны правыхъ и націоналистовъ холмскій законопроектъ въ значительной мѣрѣ явился орудіемъ политической мести по отношенію къ полякамъ, для которыхъ, а также и для евреевъ, онъ создастъ много новыхъ и ненужныхъ стѣсненій; при такихъ условіяхъ безусловная поддержка законопроекта въ истинно-русскомъ его видѣ являлась бы покушеніемъ на права и польскаго, и еврейскаго населенія въ Холмщинѣ. Уклоняясь, само собою понятно, отъ такой роли, думская оппозиція, какъ и вообще русская демократія, бросились въ другую крайность. вмѣсто того, чтобы исходить изъ интересовъ трудящихся массъ холмскаго населенія, большинство котораго въ новой губерніи, какъ бы ни чертить ея границы, составляетъ украинское крестьянство, русская демократія, чтобы не наносить „обиды“ полякамъ, съ легкимъ сердцемъ отдаетъ послѣднимъ въ жертву украинское населеніе. Путемъ такого великодушія за чужой счетъ украинская народность въ Холмщинѣ, если бы мнѣніе оппозиціи восторжествовало, оставлена была бы въ прежнихъ условіяхъ, которыя неудержимо влекутъ ее къ полонизаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживается и охраняется господство въ Холмскомъ краѣ польской шляхты, которое ложится тяжелымъ бременемъ на экономически подавленное ею украинское населеніе и противъ котораго русскіе демократическіе элементы во всѣхъ другихъ случаяхъ протестовали бы самымъ рѣшительнымъ образомъ. Польско-шля-

хетская точка зрѣнія въ холмскомъ вопросѣ и точка зрѣнія думской оппозиціи оказались совпадающими до полного тождества. Какъ для представителей шляхетскаго коло въ Думѣ, такъ и для подавляющаго большинства оппозиціи выдѣленіе Холмщины представляется только новымъ раздѣломъ Польши, только новымъ покушеніемъ реакціонеровъ на права поляковъ—и только. Это тѣмъ болѣе странно, что не особенно далеко то время, когда російскіе конституціоналисты на съѣздѣ земскихъ дѣятелей въ Москвѣ признавали автономію Польши въ границахъ только этнографическихъ. Но съ того времени въ психологіи російскаго интеллигента произошли, какъ видно, немалыя перемѣны. И вотъ теперь видимъ, что русскіе прогрессисты подписываютъ особое мнѣніе членовъ коло о „смѣшанной національности“ и „простомъ языкѣ“ холмскаго населенія; слышимъ хотя и туманную, но крайне подозрительную по своему достоинству реплику депутата Родичева о „гайдамаческомъ“ украинствѣ“ и о возможности простонароднаго національнаго движенія противъ польскихъ землевладѣльцевъ подъ флагомъ украинства; являемся свидѣтелями большой некорректности, чтобы не сказать больше, со стороны прогрессивнаго депутата, притомъ же изъ Украины, г. Никольскаго, который, приведя мнѣніе проф. М. С. Грушевскаго о желательности этнографическаго размежеванія національностей въ Холмщинѣ, называетъ автора этого мнѣнія фанатикомъ въ Холмскомъ вопросѣ.

Это ли не путаница взглядовъ? Польскіе круги обнаруживаютъ явныя захватныя тенденціи на украинскую территорию, населенную украинскимъ племенемъ,—и демократическая оппозиція, за единичными исключеніями, не только не находитъ нужнымъ сказать, что подобныя захватныя стремленія нетерпимы въ культурныхъ условіяхъ общественной и политической жизни, но даже усматриваетъ политическій фанатизмъ и оскорбленіе польской національности въ томъ, что отъ случайно составившейся административной единицы, въ которую входятъ польскія земли, отдѣляется часть территории, украинской, являющаяся къ тому же ареною для печальныхъ денационализаторскихъ экспериментовъ. Это ужъ слишкомъ своеобразная и односторонняя чувствительность сердца, для котораго „жалъ матушку, что она устала, колотя батюшку“. Можно подумать, что думская оппозиція вяла убѣжденіямъ одного изъ

представителей польской шляхты, успокаивавшаго недавно русскую интеллигенцію тѣмъ, что обитатели Холмской Руси—не великороссы и, ставши поляками, не перестанутъ быть славянами, не сдѣлаются „измѣнниками общеславянской идеѣ“, а потому великороссамъ нечего о нихъ беспокоиться.

Такая линия поведенія русской демократіи, быть-можетъ, наладить отношенія ея съ думскимъ коломъ и вообще съ поляками. Но столь послѣдовательное и тенденціозное игнорированіе очевидныхъ украинскихъ интересовъ дастъ украинскимъ кругамъ обильный матеріалъ для всякаго рода выводовъ довольно пессимистическаго свойства. Матеріалъ этотъ слишкомъ накапливается въ послѣднее время, холмскій же вопросъ является въ немъ особенно цѣннымъ элементомъ въ виду того, что въ этомъ вопросѣ отъ такого или иного голосованія оппозиціонныхъ элементовъ, повидимому, нельзя было ожидать никакихъ практическихъ результатовъ, и тѣмъ хуже, если среди оппозиціи не оказалось объективнаго отношенія къ украинскимъ интересамъ даже на почвѣ чисто теоретическаго обсужденія вопроса.

Несмотря на тотъ идейный туманъ, которымъ окруженъ холмскій законопроектъ, украинская позиція въ вопросѣ о выдѣленіи Холмщины остается неизмѣнно ясною. Позиція эта диктуется интересами народныхъ трудящихся массъ въ краѣ. Съ точки зрѣнія реальныхъ интересовъ населенія, украинскаго по своему этнографическому составу и въ большинствѣ — по національному сознанію, выдѣленіе Холмщины изъ состава Царства Польскаго безусловно необходимо. Украинцы въ этомъ случаѣ стоятъ на почвѣ объединенія украинскихъ земель. Эта точка зрѣнія очень ясно и опредѣленно выражена въ томъ письмѣ проф. М. С. Грушевскаго къ депутату Никольскому, какое прочитано послѣднимъ съ трибуны во время холмскихъ дебатовъ. Проф. Грушевскій такъ отвѣчаетъ по этому поводу на обращенный къ нему запросъ со стороны г. Никольскаго: „Правящая бюрократія и истинно-русскія сферы сдѣлали, конечно, все возможное, чтобы загадить вопросъ о выдѣленіи Холмщины въ его нынѣшней постановкѣ; но все-таки нужно имѣть мужество сказать, что отмежеваніе украинской этнографической территоріи отъ Царства Польскаго остается желательнымъ даже и въ нынѣшнихъ условіяхъ. Съ общей точки зрѣнія желательно всякое прибли-

женіе административныхъ дѣленій къ этнографическому составу населенія... Съ этой точки зрѣнія, выдѣленіе Холмщины—шагъ впередъ. Нужно только, чтобы выдѣлилась дѣйствительно еще живая украинская этнографическая территория, безъ тѣхъ уже потерянныхъ, безвозвратно колонизованныхъ историческихъ придатковъ, которыми увеличиваетъ ее правительственный проектъ и тѣмъ портитъ дѣло и съ точки зрѣнія украинскаго населенія. Затѣмъ, мнѣ кажется желательнымъ, чтобы эта украинская территория выведена была за горизонтъ той специфической русско-польской политики, какою ориентируются и правящія, и польскія сферы въ Варшавѣ и Люблинѣ. Я думаю, что нѣкоторая индивидуализація и локализація отношеній, хотя бы въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она можетъ быть достигнута выдѣленіемъ Холмщины, все же явится не минусомъ, а плюсомъ“.

Вотъ авторитетный украинскій голосъ, выражающій принципиальную украинскую точку зрѣнія по холмскому вопросу. Съ этой точки зрѣнія прежде всего далеко не безразлично, по какому пути пойдетъ дальнѣйшая исторія Холмщины, — въ ногу съ Кіевомъ или съ Варшавой. При ожидаемомъ развитіи самоуправленія и мѣстной жизни естественно итти ей вмѣстѣ съ тѣми сосѣдними частями, съ какими она связана этнографически и интересами культурными и экономическими. Затѣмъ, выдѣленіе Холмщины необходимо для того, чтобы оградить честь украинскаго племени отъ утраты своей національности и вообще устранить тотъ невозможный *modus vivendi*, который необходимо устанавливается тамъ, гдѣ поляки и украинцы живутъ совмѣстно, общею жизнью. Что бы тамъ кто ни говорилъ о желательности спокойнаго, терпимо-братскаго сожителства этихъ двухъ близко-родственныхъ славянскихъ народностей, мечты объ этомъ—чистѣйшая абстракція, которая немедленно разсѣивается, какъ только коснуться ея кусочкомъ исторіи или практики современной жизни. Никогда на протяженіи многихъ вѣковъ не жили они сколько-нибудь сносно совмѣстной жизнью, а всегда одни тотчасъ же начинали давить, другіе—сопротивляться, причемъ въ большей или меньшей степени считалось при этомъ обязательнымъ взаимное кровопусканіе. И это совершается не только въ исторической глубинѣ вѣковъ, но и въ современной намъ дѣйствительности, въ условіяхъ конституціоннаго режима,—въ австрійской Галиціи, гдѣ столь убѣжден-

ные у насъ сторонники національнаго равноправія примѣняютъ тамъ самыя грубыя и безобразныя формы національнаго угнетенія, почти при каждомъ выборахъ въ парламентъ или мѣстный сеймъ обагрываютъ руки кровью украинскаго народа; пользуясь фактическимъ преобладаніемъ въ краѣ, подъ защитой грубой силы поляки отказываютъ тамъ украинцамъ въ удовлетвореніи самыхъ настоятельныхъ національныхъ требованій. Другими приемами, примѣнительно къ инымъ условіямъ, но не менѣе настойчиво ведется полонизаторская дѣятельность и въ Холмщинѣ. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, черезчуръ наивно утверждать, что украинскихъ холмщаконъ загнало въ католическій костель, а оттуда въ полонизмъ исключительно только русское правительство; однихъ стараній послѣдняго было бы, очевидно, недостаточно, не будь въ наличности агрессивныхъ полонизаторскихъ стараній со стороны поляковъ. И развѣ кто-нибудь сомнѣвается въ истинной подкладкѣ польскихъ протестовъ противъ отторженія холмской части отъ польскаго тѣла? Истинная цѣль при этомъ и не скрывается и состоитъ въ приобщеніи холмской части украинскаго племени къ польскому національному организму. При такихъ условіяхъ для всякаго объективнаго наблюдателя представляется лишь одинъ выходъ: когда двое такъ упорно и настойчиво дерутся, нужно развести ихъ. И когда это будетъ сдѣлано, когда такимъ образомъ устранены будутъ поводы для угнетенія съ одной стороны и для протеста—съ другой, тогда обѣ стороны заживутъ спокойно и мирно. Конечно, національное тѣло Польши за счетъ чужихъ элементовъ при этомъ не выростетъ, но плакать надъ этимъ могутъ одни лишь представители польскаго зоологическаго націонализма.

Украинскіе круги, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, не могутъ относиться безразлично къ вопросу о выдѣленіи Холмщины, потому что такое выдѣленіе является однимъ изъ условій огражденія части украинскаго племени отъ полонизаціи. Въ этомъ отношеніи законопроектъ, по сравненію съ теперешнимъ *status quo*, при которомъ полонизація украинскаго населенія идетъ усиленнымъ темпомъ и должна завершиться полнымъ его поглощеніемъ, несомнѣнно, ослабитъ полонизацію, опасность же руссификаціи не такъ велика, какъ это представляется съ перваго взгляда. Полонизація производится живыми общественными силами

и по побужденіямъ идейнымъ, хотя бы въ моральномъ отношеніи и не чистымъ; польскій ксендзъ и польскій помѣщикъ, поставленные въ непосредственное отношеніе къ холмскому украинскому крестьянину, опутываютъ его: первый—духовными, второй—экономическими, но въ томъ и другомъ случаѣ одинаково прочными узами; между тѣмъ съ другой, руссификаторской стороны условія денационализации значительно иныя; русское землевладѣніе въ Холмскомъ краѣ ничтожно, а православные батюшки,—руссификаторы, дѣйствующіе по приказу начальства,—не найдутъ живого пути къ душѣ холмскаго крестьянина.

Приходится здѣсь повторить, однако, что положительная, если о ней вообще можетъ быть рѣчь, сторона законопроекта почти анулируется общимъ его реакціоннымъ характеромъ, при которомъ ни національные, ни какіе другіе интересы украинскаго населенія Холмщины не найдутъ въ немъ для себя прочной положительной почвы. Это слишкомъ далеко отъ тѣхъ широкихъ демократическихъ основъ, на которыхъ желательно выдѣленіе Холмщины съ украинской точки зрѣнія. Самый фактъ выдѣленія такъ тонетъ въ морѣ сопровождающихъ его отрицательныхъ условій, что цѣнность его имѣетъ болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе. И если бы законопроектъ получилъ осуществленіе, то этотъ подарокъ изъ рукъ реакціоннаго воинствующаго націонализма не вызоветъ радости въ украинскихъ кругахъ; и, наоборотъ, если бы законопроектъ провалился, это никому не причинило бы большого огорченія. А такой провалъ не невозможенъ. Сейчасъ, когда пишутся эти строки, стало извѣстнымъ, что Дума въ первомъ чтеніи отклонила основную статью законопроекта — о выдѣленіи Холмской губерніи изъ состава Царства Польскаго и о подчиненіи ея непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ. Вышло по пословицѣ: далъ Богъ копѣчку, а чортъ дырочку,—пошла Божья копѣчка въ чортову дырочку. Горевать объ этомъ особенно не приходится,—видно, туда ей и дорога: копѣчка-то была фальшивая. Подождемъ, при другихъ условіяхъ будетъ у насъ настоящая, такъ какъ думаемъ, что этнографическое размежеваніе украинско-польской территоріи — вопросъ жизненной необходимости.

О. Бѣлоусенко.